

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-80-88

СНОВА О «ПАРАДОКСЕ ВОГЮЭ»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Э. М. ДЕ ВОГЮЭ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Корчевская О. В.

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Симферополь, Российская Федерация

ok_vs@inbox.ru

В статье предлагается новое прочтение книги «Русский роман» (1886) французского писателя Э. М. де Вогюэ. Корректируются оценки Вогюэ современными исследователями В. П. Трыковым, Е. Д. Гальцовой, А. И. Гичкиной, С. Л. Фокиным. Опровергается приписываемое В. П. Трыковым Вогюэ противопоставление рационального и бездуховного Запада мистической и иррациональной России. В действительности в «Русском романе» имеет место противопоставление латинского духа славянско-германскому, отличающихся способами мышления. Уточняется выявленный В. П. Трыковым «парадокс Вогюэ», заключающийся в сознательном отталкивании от «французской парадигмы рациональности» при невольном притяжении к ней. В действительности Вогюэ разграничивал «l'esprit français» и материалистическо-нигилистическую рациональность. Подлинная парадоксальность восприятия Вогюэ обнаруживается в понимании им феномена гениальности, где соединяются классицистическая, романтическая и реалистическая концепции гения. Система ценностей Вогюэ обуславливает восприятие им русской литературы: он невысоко ставит литературу русского классицизма и романтизма из-за их подражательного и вторичного характера; ценя Пушкина за его «классицистический дух» в творчестве, он отказывает поэту в статусе «национального гения».

Ключевые слова: Э. М. де Вогюэ, «Русский роман», классицизм, греко-римская традиция, русская литература, А. С. Пушкин, «парадокс Вогюэ», «l'esprit français».

ВВЕДЕНИЕ

Книга «Le Roman Russe» (Русский роман, 1886) французского дипломата, путешественника, писателя, историка литературы и литературного критика Эжена-Мельхиора де Вогюэ (1848–1910), около семи лет прожившего в России, женатого на русской и изучившего русский язык, знакомого Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, считается открытием русской литературы Западу. Однако эта книга до сих пор полностью не переведена на русский язык, опубликованы в переводе лишь фрагменты: предисловие (2010), главы о Тургеневе, Толстом и Достоевском (1897). При этом изрядную долю исследовательского внимания «Русский роман» получил в 2010-е гг.: ему посвящены многочисленные исследования В. П. Трыкова, монография А. И. Гичкиной «Eugene-Melchior de Vogüé ou comment la Russie pourrait sauver la France» [Эжен-Мельхиор де Вогюэ, или как Россия может спасти Францию], статьи Е. Д. Гальцовой и Е. Н. Ореховой, глава в монографии С. Л. Фокина.

В этих исследованиях взгляд Вогюэ на Россию и русскую литературу интерпретируется по-разному: уже в названиях работ А. И. Гичкиной проступает идея славянского мессианизма; В. П. Трыков, акцентируя в биографии Вогюэ связь с движением «католического возрождения», пытается вписать французского писателя в славянофильскую парадигму, построенную на противопоставлении рационального и бездуховного Запада иррациональной и мистической России; Е. Д. Гальцова и С. Л. Фокин пробуют взглянуть на «Русский роман» с точки зрения постмодернистской

имагологии. Попутно Е. Д. Гальцова рассуждает о «почвенничестве» Вогюэ, отказывая ему в ревностном католицизме, а С. Л. Фокин называет Вогюэ антимодернистом и делает акцент на проблеме противоречивого отношения французского писателя к феномену «русской души» с ее «скифством». Но доминирующий метод С. Л. Фокина – мифопоэтический: в целом путешествие Вогюэ в Россию исследователь интерпретирует как путешествие в Потусторонний мир.

Несовпадение интерпретаций позиции Вогюэ связано, на наш взгляд, с тем, что в мировоззрении автора «Русского романа» обнаруживаются черты и западника, и славянофила, и почвенника, но при этом ни к одному из этих течений французский писатель не склонялся полностью. Попытка же вписать его в какую-либо из этих парадигм, подтягивание его взглядов под соответствующую исследовательскую риторiku, оборачивается интерпретационными неточностями.

Наиболее основательный аналитический разбор «Русского романа» представлен, несомненно, в работах В. П. Трыкова. Заставляет задуматься вывод исследователя о «парадоксе Вогюэ». В. П. Трыков видит парадокс в том, что французский писатель, симпатизируя «мистицизму» и «синтетизму» «славянского духа» и осуждая безоглядный рационализм Запада, «между тем, быть может, **неосознанно** (выделено мной. – О. К.) руководствуется в оценке многих его проявлений восходящими к классической рационалистической парадигме категориями вкуса и чувства меры, оставаясь в этом отношении наследником той традиции, которую, казалось бы, он порицал в лице французских просветителей» [3, с. 91]. Однако за замеченным В. П. Трыковым парадоксом притяжения-отталкивания Вогюэ от «рационалистической парадигмы» может стоять дифференцированное понимание писателем рациональности, и соответственно, связанных с приматом рационального начала, но понимающих его по-разному литературных направлений и течений: классицизма, просветительского классицизма, реализма, натурализма.

Полагаем, что по-настоящему разобраться в системе ценностей Вогюэ, с которой он подходил к европейской и русской литературе, позволит, во-первых, анализ ключевой семантической оппозиции «Русского романа» – «l'esprit français» – «l'esprit russe», а также детальное исследование восприятия писателем французского классицизма, которыми вышеперечисленные исследователи пренебрегли.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Множество пассажей в предисловии к «Русскому роману» о классицизме свидетельствуют о том, что для Вогюэ это вершинный период французской литературы из-за связи с античной традицией и латинским духом французов. «Esprit» – одно из ключевых понятий «Русского романа» – имеет множество значений: дух, душа, ум, остроумие, разум, рассудок, сознание, смысл. В «Русском романе» преобладает его употребление в значении «дух» как сущность чего-то: «l'esprit des races» [дух рас], «l'esprit occidental» [западный дух], «l'esprit classique» [классический дух], «l'esprit évangélique» [евангельский дух], «l'esprit de pitié» [дух жалости]. Когда речь идет о сущности нации, понятие «esprit» приближается к «менталитету», «психотипу нации». Для обозначения оригинальных и выдающихся ментальных особенностей нации Вогюэ нередко употребляет понятие «génie»: «génie russe», «génie français». Реже, но отмечается употребление «esprit» в значении «ум»: «bel esprit» [тонкий / острый ум], «inclination d'esprit et de cœur» [наклонность ума и сердца]. За таким «словарем» Вогюэ ясно различимо влияние концепций «духа нации» и «гения нации» Шатобриана, Монтескье,

Гердера, Тэна и др. Один раз у Вогюэ встречается понятие «*bon sens normand*» [нормандский здравый смысл]. Перегибы рационализма, появившиеся у французских просветителей-энциклопедистов, передаются словом «*raison*»: «*raison émancipée*» [эмансипированный разум], «*le culte de la raison*» [культ разума], «*l'orgueil de la raison*» [гордыня разума].

Ключевая семантическая оппозиция «Русского романа» «*l'esprit français*» – «*l'esprit russe*» представлена и разъясняется автором в предисловии. Вогюэ пишет: «*Nous et tous nos frères de race, nous avons hérité de nos maîtres latins le génie de l'absolu; les races du Nord, slaves ou anglo-germaines, ont le génie du relatif; qu'il s'agisse des croyances religieuses, des principes du droit ou des procédés littéraires*»¹ [7, с. 523]. В. П. Трыков не раз обращается к этой фразе: то показывает с ее помощью разделение Вогюэ принципов «тэновской теории расы, среды и момента» [5, с. 139]; то доказывает, что русские в отличие от аналитически мыслящих французов наделены способностью к синтезу, – однако адекватности в ее толковании исследователь не достигает.

В действительности мышление через категории абсолютного и относительного вовсе не тождественно мыслительным операциям анализа и синтеза. Речь идет о противопоставлении метода обобщения и абстракции эмпирическому познанию, оппозиции безусловного и условного бытия, абстрактно-общего и единично-конкретного, «вещи в себе» и вещи в сопричастности с бытием других вещей. Определяя сущность латинских народов через «*le génie de l'absolu*», Вогюэ проводит важную для себя мысль о том, что мышление французов унаследовано ими от античности: философия Декарта и знаменитое картезианское мышление (а оно и подразумевается обычно под «*l'esprit français*») берут начало в философских трудах Аристотеля и Цицерона. И именно картезианская философия и эстетика, признающая лишь метод обобщения и абстракции и опровергающая чувственное, эмпирическое познание, лежит в основе эстетики классицизма [8, с. 42]. Вогюэ, не упоминая Декарта и картезианство, подчеркивает, что нормативная поэтика классицизма сосредоточена на абсолютном, абстрактно-общем: выделяется одна фигура центрального героя, внутри характера – одна главная страсть, строго ограничивается действие, то, чего нельзя увидеть, заменяется множеством условностей [7, с. 524]. В качестве примеров Вогюэ приводит «Сида» Корнеля, «Федру» Расина и «Заиру» Вольтера – французский классицизм XVII в. прекрасно продолжается в просветительском классицизме XVIII в.

«*Le génie de l'absolu*» и классическое образование, по Вогюэ, дисциплинировали французский ум и дух, сделали его «*net et clair*» [четким и ясным]. Безусловными ценностями для писателя являются антично-классицистские «*mesure*» [мера], «*goût*» [вкус], «*ordre*» [порядок]. А вот к французскому остроумию (а это один из вариантов перевода словосочетания «*l'esprit français*») писатель относится неоднозначно. Вообще во французской культуре закрепилось противопоставление «*l'esprit cartésien*», «картезианского духа», восходящего к греко-римлянам, и «*l'esprit gaulois*», «галльского духа», восходящего к древним галлам и заключающегося в смеси сообразительности, остроумия и насмешливости. Но у Вогюэ такого противопоставления нет.

¹ Предлагаем в данном случае свой перевод этой фразы, поскольку в опубликованном переводе С. Ю. Васильевой есть неточности. «Мы и все наши братья по расе унаследовали от наших латинских учителей гений абсолютного <мышления>, народы же Севера, славяне и англо-германцы, обладают гением относительного <мышления>; идет ли речь о религиозных верованиях, о правовых принципах или литературных методах» (перевод мой. – О. К.)

«Le génie du relatif» германцев и славян, оставшихся в стороне от античной традиции и не прошедших через дисциплину нормативной поэтики классицизма, концентрировался на «относительном», т.е. на временном, условном, случайном. Поэтому их дух и ум представляется Вогюэ «широким и смутным», видящим «одновременно много вещей» и полагающим, что «изображение мира должно быть столь же сложным и противоречивым, каковым является и сам мир» [7, с. 524]. Драматургии французских классицистов Вогюэ противопоставляет драмы Шекспира «Генрих VI», «Ричард III» и «Валленштейн» Шиллера, видя в них воплощение германского духа. Их герои – «шумная толпа, несущаяся сквозь цепь событий», события в их трагедиях – «кусочек жизни, отделенный от целого простейшим способом, без причинения ему какого-либо ущерба» [7, с. 524]. Такая же путаность и хаотичность отличает, по Вогюэ, литературу немецкого романтизма. Торжество же «духа относительности» над «абсолютным» Вогюэ видит в искусстве реализма. «Натуральная» литература подражает не идеальной, гармонизированной природе, как в классицизме, а природе «как она есть», с ее «неосознанностью», «нравственным безразличием, отсутствием выбора» [7, с. 509].

Вогюэ не употребляет слово «l'absolu» в значении абстракции Бога. Но В. П. Трыков приписывает ему это: исследователь вырывает из контекста понятие «le goût de l'absolu» [вкус к абсолютному] и делает его характерной чертой русской души, синонимом мистицизма, якобы утраченного «Западной Европой под воздействием просветительской идеологии с ее культом Разума и самоопределяющейся личности» [3, с. 88]. В действительности Вогюэ не противопоставляет России Западной Европе, западный рационализм – русскому мистицизму, как это делали славянофилы. При этом он констатирует религиозное брожение, начавшееся во Франции в последней четверти XVIII в. и продолжившееся в XIX в., и тот факт, что за убылью религиозного чувства во французской литературе последовало уменьшение сострадания к человеку.

Проявление этого французский писатель видит в романах Стендаля, отмеченных «abominable sécheresse» [отвратительной сухостью], восходящей к беспринципным нравам политиков эпохи Директории Барраса и Талейрана [7, с. 518]. Неоднозначно оценивается им восходящая к Вольтеру насмешливость Стендаля. Кульминацией реализма «без веры, без чувства, без милосердия» для Вогюэ является роман «Бувар и Пекюше» Флобера [7, с. 521]. Французская литература 1870–1880-х гг. Вызывает у него полное отторжение: для Вогюэ равно неприемлемы и позитивизм, не учитывающий недоступность научному анализу главенства души, которую вдохнул в человека Бог, и «чистое искусство», с декларируемым им целенаправленным отрывом красоты от морали, а также тотальным пессимизмом и нигилизмом.

Антитезой французской литературы 1870–1880-х гг. для Вогюэ является русская и английская литература, представители которой, при нередкой оторванности от «христианской догмы» и официальной церкви, сохранили утраченную французами «религиозную монаду», «религиозное качество сердца» [7, с. 527]. Следовательно, мистицизм у Вогюэ (при предельной размытости этого понятия в работе автора [3, с. 87]) не только русская черта, как считают В. П. Трыков и А. И. Гичкина.

Примечательно, что И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой стоят для Вогюэ в одном ряду с английской писательницей Джордж Элиот, он даже намекает, что может предпочесть последнюю автору «Войны и мира» и «Анны Карениной» [7, с. 529]. Романы Тургенева, Толстого и Элиот обладают общими достоинствами и недостатками. Они испытывают терпение французского читателя, привыкшего к выработанным классицизмом четкому и ясному слогу и композиции, своим многословием, «отсутствием композиции и явного

действия». Требуется постоянное напряжение «внимания и памяти», чтобы следить за образами, «точными в деталях», но в целом «смутными, с размытыми контурами» [7, с. 528]. Но зато они привлекают своей «бесхитростной простотой и тонкостью психологического анализа», за которым стоит «полное понимание внутреннего мира человека», «совершенная естественность», «достоверность чувств и языка» всех героев, от блестящего бомонда до скромного простонародья [7, с. 529].

Парадоксально смешивая англичан и славян, Вогюэ делает важную оговорку: последним не хватает мужественного, волевого характера первых. Результатом является чрезмерная податливость русских чужому влиянию, без различения полезного и вредного: «Они не обладают интеллектуальной твердостью и мужественностью англосаксов, этой твердокаменной нации, неизменно уверенной в самой себе, которая умеет владеть собой, как она владеет Океаном. Непостоянная душа русских плывет по воле волн сквозь все философские течения и все заблуждения, останавливаясь то на нигилизме, то на пессимизме» [7, с. 527].

Итак, система ценностей Вогюэ восходит к эстетике классицизма, основанной на антично-картезианском мышлении и сосредоточенной на идеально-гармонизированной природе. За эстетикой классицизма стоял не столько «культ разума», сколько дисциплина ума, характера и творчества, проявляющаяся в четком, ясном слоге и композиции. Эстетика классицизма, по Вогюэ, – лучшее и главное воплощение французского духа. Латинско-классицистическому духу Вогюэ противопоставлял дух германско-славянский, не склонный к ограничению ума, характера и творчества, но сохранивший религиозное чувство, религиозное беспокойство в форме христианского чувства сострадания и/или мистицизма. Этому духу органична эстетика романтизма и реализма.

С этих позиций Вогюэ рассматривает русскую литературу от ее истоков до 1880-х гг. Примечательно, что русскую литературу XVIII в. Вогюэ ценит невысоко, считая ее подражанием низкопробным французским образцам («Littérature artificielle, qui se traîne sur des idées banales et fanées, à l'heure où le monde est en travail d'idées nouvelles. De leur communication intime avec les écrivains français du dix-huitième siècle, les disciples russes ont retenu surtout les petits vers, la tragédie, la défroque mythologique et les grâces flétries. Ils nous prennent la perruque et presque rien du cerveau. On dirait que ces amis de Voltaire, de Montesquieu et de Diderot n'ont lu que Chompré, Crébillon ou Chaulieu»¹ [11, p. 25]. Это говорит о том, что, наряду с поэтикой классицизма, Вогюэ ценил вкус и «оригинальность» в творчестве. Понятие «оригинальности», введенное в литературную критику как атрибут гениальности в эпоху предромантизма, довольно часто встречается в «Русском романе» Вогюэ.

Русский романтизм также невысоко оценивается Вогюэ, поскольку писатель не считает его «manifestation la plus originale de l'esprit russe» [самым оригинальным воплощением русского духа]. По Вогюэ, романтизм пресёк влияние французской литературы и французского ума на русских и переориентировал их на искусство немцев и англичан. Самым ярким примером подражательности немецкому романтизму для Вогюэ является Жуковский. Дух Байрона в России был воплощен Лермонтовым.

¹ Искусственная литература, которая волочится за банальными и избитыми идеями, в то время как мир вырабатывает новые идеи. Из своего близкого общения с французскими писателями XVIII века их русские ученики взяли только короткие стихи, трагизм, мифологический аллегоризм и увядающее изящество. Беря себе наш парик, они не касаются мозга. Похоже, что эти друзья Вольтера, Монтескье и Дидро читали только Шомпре, Кребийона или Шольё (перевод мой. – О. К.)

Пушкина же Вогюэ изображает не столько романтиком или реалистом, сколько классицистом, что совершенно ускользает от внимания В. П. Трыкова. В своей статье, посвященной восприятию Вогюэ Пушкина, ученый приходит к выводу о «трех отрицаниях»: Вогюэ отказывает Пушкину в принадлежности к реализму, не считает его национальным поэтом и проходит мимо знаменитой формулы Белинского о «лелеющей душу гуманности» как свойстве, определившем «общий колорит» пушкинской поэзии [5, с. 136]. Отказ Вогюэ отнести Пушкина к реалистам В. П. Трыков не комментирует, однако на следующих элементах своей «отрицательной формулы» останавливается подробно. По мнению исследователя, автор «Русского романа» выводит Пушкина из «парадигмы русской иррациональности и мистицизма» в силу того, что поэт является почитателем «французской литературы ненавистного Вогюэ XVIII века», в частности Вольтера [5, с. 139].

В действительности Вогюэ считает Пушкина уникальным явлением в русской литературе из-за его «équilibre parfait» [совершенной уравновешенности] в творчестве (Пушкина-человека, по его мнению, отличали при этом «африканские» необузданность и страстность). И связывает он это равновесие в какой-то мере с классическим образованием поэта. Явно не случайно Вогюэ сообщает, что Лицей создавался Александром I «по образцу наполеоновских лицеев», а среди учителей был француз – господин де Будри, родной брат Ж.-П. Марата, одного из вождей якобинцев.

Вогюэ убежден, что в творчестве Пушкин был классицистом: «Près de ce cœur de fou résidait l'esprit littéraire le plus sage, clair et mesuré, classique dans la meilleure acception du terme»¹ [11, р. 41]. Доказывает свою точку зрения Вогюэ тем, что Пушкин в своих литературно-критических суждениях в письмах выступает за классицистов Расина и Буало. Да и влияние Вольтера на Пушкина, о котором пишет Вогюэ, было не только развращающим, но и благотворным – у него он научился владению мыслью и слогом.

«Отпечаток Вольтера» Вогюэ находит «Повестях Белкина», «Капитанской дочке», «Пиковой даме» и особенно в «Истории Пугачева»: «l'ordonnance du plan, le choix des détails, la phrase claire et courte, un peu sèche, tout cela semble pensé en français, et ce style n'a pas d'analogue dans la prose russe»² [11, р. 47]. Такая же характеристика укрепилась за стилем Юлия Цезаря в «Записках о Галльской войне»: лаконичная, суховатая «аттическая проза», точная, сжатая и энергичная манера.

Вогюэ резюмирует, что Пушкин представляет собой явление уникальное и единственное в русской литературе: «il a toutes les qualités littéraires qu'on ne reverra plus chez les écrivains de son pays; il est aussi concis qu'ils sont diffus, aussi limpide qu'ils sont troubles; son style châtié, alerte, est élégant et pur de son comme un bronze grec; en un mot, il a le goût, un terme qui après lui n'aura plus guère d'emploi dans les lettres russes»³ [11, р. 49].

¹ Рядом с этим безумным сердцем обитал самый мудрый, самый ясный и самый уравновешенный литературный ум, классический в лучшем смысле этого слова (перевод мой. – О. К.)

² ...продуманность плана, выбор деталей, ясные и краткие, чуть суховатые, фразы – все это как будто продумано по-французски, и этот стиль не имеет аналогов в русской прозе (перевод мой. – О. К.)

³ ...его литературные качества уникальны для писателей его страны; он столь же лаконичен, сколь они многословны, столь же прозрачен, сколь они туманны; его отточенный, энергичный стиль элегантен и чист по звучанию, как греческая бронза; словом, у него есть вкус, понятие, которое после него вряд ли будет иметь дальнейшее употребление в русской литературе (перевод мой. – О. К.)

В этой фразе обращает на себя внимание сравнение звучания пушкинского слога с «греческой бронзой». Это не единственная отсылка к античности в характеристике Пушкина в «Русском романе». Широкую известность получила также фраза Вогюэ: «Ce Slave a sur toutes choses les idées claires d'un Athénien»¹ [11, p. 48]. Но как ее интерпретировать? В. П. Трыков видит тут указание на языческое и артистическое мышление Пушкина [5, с. 137]. В действительности речь идет о ясном и четком мировоззрении. Вогюэ явно намекает на восходящую к Тертуллиану метафорическую оппозицию «Афин и Иерусалима», как предельных и принципиально разнящихся основаниях европейской философии и культуры, где Афины являются выражением «начала, стремящегося к исчерпывающему рациональному объяснению сущего», а Иерусалим «символизирует безусловную и не опирающуюся на рациональные доводы веру, источником которой является божественное откровение» [10, с. 128].

Вогюэ подчеркивает античные корни пушкинского «langue de diamant» [алмазного языка], повторяя вслед за П. Мериме, что «le latin pourrait seul rendre autant de pensées en aussi peu de mots, avec le même éclat, les mêmes tours»² [11, p. 45]. Французский же язык, по Вогюэ, обладает недостаточной лаконичностью для перевода Пушкина. Поистине оригинальное объяснение принципиальной непереводаемости Пушкина на другие языки!

Высоко ценя в Пушкине «классицистический дух», Вогюэ отказывает ему в подлинной «оригинальности» гения и в выражении русского национального духа и характера в творчестве, поскольку не находит у него глубокого религиозного чувства и чувства сострадания. Это свидетельствует о противоречивости понимания им феномена гениальности: с одной стороны, писатель придерживается классицистической идеи о том, что гений есть мера и универсальность, с другой, оценивает личности писателей с преромантической точки зрения «оригинальности», а также концепции гения как выразителя и носителя национального духа и характера. И эти концепции у Вогюэ парадоксально пересекаются: Пушкин, обладая чувством меры и универсальностью, не воплощает русский дух и поэтому не является национальным гением, а Достоевский, несомненный оригинальный носитель и выразитель русского духа, не обладает чувством меры и универсальностью [11, p. 267].

ВЫВОДЫ

В «Русском романе» Вогюэ нет приписываемого В. П. Трыковым противопоставления рационального и бездуховного Запада мистической и иррациональной России. Вместо этого имеет место противопоставление латинского духа славянско-германскому. Отличаются они не склонностью к анализу и синтезу, и не материализмом и мистицизмом, как утверждает В. П. Трыков, а мышлением через категорию абсолютного (методу обобщения и абстракции) латинских народов и мышлением через категорию относительного (эмпирическому познанию частного и единичного) германцев и славян. Указанный дух мышления, по Вогюэ, обуславливает характер нации и творческий дух: латинские нации отличаются дисциплиной и упорядоченностью, в то время как германцам и славянам присущи безграничность и безмерность в жизни и творчестве. Проявляется этот дух и в эстетических направлениях: французам органичен классицизм, являющийся наивысшим воплощением их духа, германцы и славяне же выразили себя в романтизме и реализме.

¹ У этого славянина ясные представления обо всем афинянина (перевод мой. – О. К.)

² ...только латынь могла бы передать столько мыслей в столь немногих словах, с тем же блеском, с теми же оборотами речи (перевод мой. – О. К.)

Сформулированный В. П. Трыковым «парадокс Вогиюэ» нуждается в серьезном уточнении, как и «французская парадигма рациональности». У Вогиюэ нет осознанного отталкивания при невольном притяжении к «французской парадигме рациональности», как утверждает В. П. Трыков. Классицистскому чувству меры он был предан абсолютно и осознанно, а вот сухую рассудочность, материалистическую и нигилистическую рациональность порицал.

При этом концепция Вогиюэ и правда не лишена противоречивости и непроясненности важных моментов. Прежде всего, это касается понимания Вогиюэ феномена гениальности, где парадоксально соединяются классицистическая, романтическая и реалистическая концепции. Противоречие можно усмотреть и в том, что англичане у Вогиюэ при хаотичности в творчестве обладают мужественным и волевым характером. Религиозное чувство и гуманность, которые Вогиюэ приписывает как национальную черту англичанам и русским можно объяснить историко-политическим контекстом: в отличие от Франции, которую начиная с 1789 г. и на протяжении всей первой половины XIX в. сотрясали революции, Англия и Россия в XVIII–XIX вв. сохраняли относительную стабильность и отличались консерватизмом.

Взгляд на Вогиюэ в контексте спора славянофилов и западников показывает, что этого французского писателя нельзя отнести ни к одной из сторон. У него нет идей Святой Руси и славянского мессианизма, отторжения от западной цивилизации, отличавших славянофилов. Равно как нет западнического призыва идти за Западом. Нет католического прозелитизма. И точно нет русофобских тирад о рабском духе и восточном деспотизме. Позиция французского писателя находится в стороне от крайностей западничества и славянофильства, русофобии и русофилии. Но ее сущность, равно как и генезис, эволюция, а также влияние идей Вогиюэ на последующую традицию (в частности, на восприятие проблемы «Запад-Россия-Восток» в литературе Серебряного века и русской эмиграции первой волны) еще ждут своего исследователя.

Список литературы

1. Гальцова Е. Д. Между «русской модой», культурными стереотипами и «реализмом-любовью»: И.С. Тургенев в книге Э.-М. де Вогиюэ «Русский роман» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 6. – С. 190–202.
2. Орехова Е. Н. «Русский роман» Вогиюэ как открытие русской литературы во Франции // Вестник Костромского государственного университета. – 2011. – № 5-6. – С. 158–161.
3. Трыков В. П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманит. и соц. науки. – 2018. – № 4. – С. 83–93.
4. Трыков В. П. Концепция реализма Эжена Мельхиора де Вогиюэ в контексте споров о реализме в современном литературоведении // Знание, понимание, умение. – 2015. – № 4. – С. 233–246.
5. Трыков В. П. Пушкин в книге Эжена-Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – №3 (32). – С. 135–140.
6. Вогиюэ Э.-М. де. Современные русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский / Изд-е В. Н. Маракуева. – М.: Типография О.В. Рихтер, 1887. – Ч. 3: Достоевский. – 74 с.
7. Вогиюэ Э.-М. де. Русский роман. Предисловие // К истории идей на Западе: «Русская идея». – СПб, 2010. – С. 499–534.
8. Писарчик Л. Ю. Р. Декарт и классицизм // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 1. – С. 41–57.
9. Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб: РХГА, 2013. – 396 с.
10. Шейнов Т. Г. «Афины и Иерусалим» Лео Штрауса и Льва Шестова // Вопросы философии. – 2024. – № 4. – С. 126–136.
11. Vogüé E. M. de. Le roman russe. – Paris : Librairie Plon, 1886. – 351 с. – Режим доступа Available from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k131798g.texteImage>. – (Дата обращения 15.01.2025).

References

1. Gal'cova E. D. *Mezhdru «russkoj modoj», kul'turnymi stereotipami i «realizmom-lyubov'yu»: I.S. Turgenev v knige E.-M. de Vogüé «Russkij roman»* [Between «Russian fashion», Cultural Stereotypes and «Realism-Love»: I.S. Turgenev in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 9. Filologiya*, 2018, no 6, pp. 190–202.
2. Orekhova E. N. *«Russkij roman» Vogüé kak otkrytie russkoj literatury vo Francii* [«Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé as a Presentation of Russian literature to France]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 5-6, pp. 158–161.
3. Trykov V. P. *Konstanty «russkosti» i evolyuciya russkogo kul'turnogo soznaniya v knige Ezheny-Mel'hiora de Vogüé «Russkij roman»* [Constants of «Russianness» and Evolution of the Russian Cultural Consciousness in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2018, no 4, pp. 83–93.
4. Trykov V. P. *Koncepciya realizma Ezheny Mel'hiora de Vogüé v kontekste sporov o realizme v sovremennom literaturovedenii* [E.M. de Vogüé and his Concept of Realism in the Context of Debates on Realism in Contemporary Literary Scholarship]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015, no 4, pp. 233–246.
5. Trykov V. P. *Pushkin v knige Ezheny-Mel'hiora de Vogüé «Russkij roman»* [Pouchkine in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2011, no 3 (32), pp. 135–140.
6. Vogüé E.-M. de. *Sovremennye russkie pisateli. Tolstoj – Turgenev – Dostoevskij* [E.M. de Vogüé. Contemporary Russian Writers. Tolstoy - Turgenev - Dostoevsky]. Moscow, V.N. Marakuev Publ., 1887, Part 3: Dostoevskij, 74 p.
7. Vogüé E.-M. de. *Russkij roman. Predislovie* [«Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé. Preface]. *K istorii idej na Zapade: «Russkaya ideya»*, Saint-Petersburg, 2010, pp. 499–534.
8. Pisarchik L. Yu. R. *Dekart i klassicizm* [Descartes and Classicism]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no 1, pp. 41–57.
9. Fokin S. L. *Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka* [Figures of Dostoevsky in French Literature of the 20th century]. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2013, 396 p.
10. Shejnov T.G. *«Afiny i Ierusalim» Leo Shtrausa i L'va Shestova* [«Athenes and Jerusalem» of Leo Strauss and Lev Shestov]. *Voprosy filosofii*, 2024, no 4, pp. 126–136.
11. Vogüé E. M. de. *Le roman russe*. Paris, Librairie Plon, 1886/ 351 p. Available from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k131798g.texteImage>. (accessed 15 January 2025).

“VOGÜÉ’S PARADOX” REVISED: THE PROBLEM OF E. M. DE VOGÜÉ’S CONCEPT OF RUSSIAN LITERATURE IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES

Korchevskaya O. V.

The article offers a new reading of the book “Le Roman Russe” (1886) by the French writer E. M. de Vogüé. It refutes V. P. Trykov’s idea of Vogüé’s opposing the rational, materialistic West to mystical, irrational Russia and discovers and examines an opposition of the French (Latin) spirit to the Northern spirit of the Germans and the Slavs, differing in their thinking modes. “Vogüé’s Paradox”, revealed and formulated by V. P. Trykov, is revised. There is no conscious repulsion from the French paradigm of rationality combined with an involuntary attraction to it in «Le Roman Russe». It is proved that Vogüé positively regarded “l’esprit français” (clarity and precision of thinking, sense of taste and measure, limitation of the investigation field), while disapproving of materialistic and nihilistic rationality. The true paradox of Vogüé’s perception is found in his understanding of the phenomenon of genius, which combines the classicist, romantic and realist conceptions of genius. Vogüé’s values determine his perception of the Russian literature: he doesn’t think much of the Russian Classicism and Romanticism due to their secondary and imitating nature, he praises Pouchkine for his classical Latin mind in his creative work while refusing him the national genius status.

Key words: E. M. de Vogüé, «Le Roman Russe», classicism, Greco-Roman tradition, Russian literature, A. Pouchkine, «l’esprit français».